

ПРЕФЕРЕНЦИИ В СОЗДАНИИ ОБРАЗОВ В ПОЭЗИИ И.А. БУНИНА

PREFERENCES IN CREATING IMAGES IN THE POETRY OF I.A. BUNIN

*N. Kuznetsova
V. Mezhebovskaya*

Summary: The article is devoted to the study of preferences in the choice of language means when creating images in the poetry of I.A. Bunin, which indicates its specificity, which is primarily associated with the noticeable activity of indicative nouns, which significantly increase the degree of indicativeness and predicativity of the lyrical text. As a rule, they function in a figurative sense – as part of paths and figures. At the same time, new meanings are often updated, which is a distinctive feature of the language of fiction in general. The degree of indicativeness and expressiveness of this group of nouns in the poetic texts of I.A. Bunin may vary – depending on participation in genitive constructions in which amplifying and / or clarifying meaning is realized, participation in paraphrases and when creating occasionalisms of various levels.

Keywords: image, nouns, indicativeness, predicativity, poetic picture of the world, expressiveness, emotional atmosphere, types of perception.

Кузнецова Наталья Николаевна

*д.филол.н., доцент, Оренбургский государственный педагогический университет
natlo65@mail.ru*

Межебовская Виктория Викторовна

*к.филол.н., доцент, Оренбургский государственный педагогический университет
vikvik62@rambler.ru*

Аннотация: Статья посвящена исследованию предпочтений в выборе языковых средств при создании образов в поэзии И.А. Бунина, что говорит о ее специфике, которая в первую очередь связана с заметной активностью признаков имен существительных, значительно повышающих степень признаковости и предикативности лирического текста. Как правило, они функционируют в переносном значении – в составе тропов и фигур. При этом часто актуализируют новые смыслы, что является отличительной чертой языка художественной литературы вообще. Степень признаковости и экспрессивности данной группы существительных в поэтических текстах И.А. Бунина может варьироваться – в зависимости от участия в генитивных конструкциях, в которых реализуется усилительное и/ли уточняющее значение, участия в перифразах и при создании окказионализмов различных уровней.

Ключевые слова: образ, имена существительные признаковость, предикативность, поэтическая картина мира, экспрессивность, эмоциональная атмосфера, виды восприятия.

Практика преподавания филологического анализа художественного текста в педагогическом вузе потребовала, во-первых, акцентирования внимания не только на теме и идее произведения, но и на рассмотрении вопросов картины мира автора; во-вторых, поиска различных путей анализа (поскольку единой схемы не существует).

Учитывая эти аспекты, мы обратились к поэтическим текстам И.А. Бунина, при рассмотрении которых обращает на себя внимание тот факт, что при создании образов часто используются имена существительные со значением признака.

Из этого истекает ряд моментов, понимание которых будет способствовать более глубокому пониманию поэтических произведений И.А. Бунина и его мировидения в целом. Одни из них касаются лингвистических моментов филологического анализа текста, другие – литературоведческих.

Так, поскольку «дескриптивная лексика отвечает особой цели языка – точнее, речи – вызывать в воображении адресата определенные картины, образы, а не обогащать его новой информацией» (1, с. 12), то, следовательно, данная особенность поэтического языка И.А. Бунина (2) создает ту наглядность, картинность,

рельефность изображения, которая свидетельствует об обостренности восприятия автора и «подключает» весь спектр ощущений читателя, например: «*Катится диском золотым Луна в провалы черной тучи И таеет в ней, и льет сквозь дым Свой блеск на каменные кручи* (с. 41); *Стал и простер ладони в муть зыбей: Как раб хранит заветный грош в заплате, Хранит душа одну мету – о плате За труд земной – и все скупей, скупей* (с. 63); *В окно, в прохладный сумрак дома, Глядел зеленый знойный сад, И сена душная истома Струила сладкий аромат* (с. 40).

Поэтический текст представляет собой сложную систему. При этом информация, заложенная в нем, рассчитана не только и не столько на интеллектуальное освоение, сколько на эмоциональное. Данное качество в корне отличает поэтический текст от любого другого: эмоциональное сопереживание при постижении лирического произведения, «правильные ассоциации», адекватное восприятие эмоциональной атмосферы имеет едва ли не большее значение, чем понимание на уровне интеллекта. Поэтому «исследование средств языкового означивания эмоций в поэтической речи представляется актуальным, так как всё в лирике фиксирует не событие, а переживание этого события. Иными словами, в поэтическом тексте с помощью разно уровневых знаков языка осуществляется репрезентация психологического состояния лирического героя, описывается мир его

чувств и переживаний» (11).

В свою очередь, признаковость в поэтическом тексте является выражением предикативности. Предикация (противопоставляющаяся номинации) – это способ сказать о предмете нечто совершенно новое, отражение событийного мира, модель синтагматических отношений, отражение внутренних качественных характеристик (3, с. 119). Предикация в поэзии – это процесс освоения мира, когда хорошо известный предмет помещается в совершенно новую ситуацию, которая выявляет его совершенно новые свойства, отражая процесс познания мира. В лирике данный процесс особенно ярко обнаруживает себя в отношении традиционных поэтических денотатов – таких, как *вечер, закат, взгляд, время, даль* и проч., репертуар которых ограничен, но которые в различных произведениях у разных авторов, каждый раз попадая в новое окружение, позволяют читателю увидеть их и оценить с совершенно новой точки зрения. Поэтому в поэтическом тексте предикативность не всегда связана с позицией сказуемого. Это скорее неотъемлемое свойство поэтического образа.

Способностью выражать предикативные значения в первую очередь обладают глаголы и прилагательные. Именно данные части речи могут сказать о предмете новую информацию. И именно это способствует развитию их потенциала к возникновению переносных значений. Поэтическая предикация связана с одним из основных свойств языка художественной литературы – способностью к образованию новых смыслов (синонимичные термины: «расширение значения», «возникновение дополнительных смыслов/созначений»), которая обусловлена законом асимметрии языкового знака. Данный закон, порождающий полисемию и синонимию в языке, в художественной речи, как известно, принимает масштабный и тотальный характер: в составе тропов и фигур, развивая переносное значение, слово оказывается способным расширять свою семантическую структуру бесконечно.

Приоритет глаголов и прилагательных в выражении предикативных и переносных значений в свою очередь предопределен их «семантической диффузностью, расчлененностью семантического объема, не сводимой к «номерным» значениям, выделяемым в словарях» (9, с. 42). Отсутствие четкой привязанности к какому-либо предмету, размытость значения активно влияет на их способность к вариативности. Именно диффузность значения данных частей речи приводит, с одной стороны к расширению значения, с другой – к его абстракции, а это тесно связывает их с метафорой. Как писал В.Г. Гак, «метафора делает абстрактное легче воспринимаемым, не случайно поэтому один из магистральных путей метафорического переноса — от конкретного к абстрактному, от материального — к духовному», благодаря чему

происходит «перенос признаков (действий, состояний) физического мира на мир внутренней, эмоциональной, интеллектуальной деятельности человека» (9, с.47). Данный перенос особенно характерен для поэтической речи, в которой физическая жизнь окружающего мира, как правило, важна не сама по себе, а как отражение психического, эмоционального состояния лирического героя.

Однако глагольную семантику и семантику имени прилагательного могут выражать не только эти части речи, но и связанные с ними существительные путем «сложного переплетения словообразовательных и лексико-семантических отношений» (10), развивая синонимические отношения, когда одно и то же или близкое значение может выражаться различными частями речи. Синонимичность же, множественность наименований также является характерным свойством предикации. Кроме того, существительные, образованные от имен прилагательных и глаголов, как правило, носят абстрактный характер, которым отличается и метафорическое значение. Следовательно, подобные имена существительные, активно «поддерживая» значение признаковости и процессуальности, расширяют круг метафорических предикатов. Именно подобные имена существительные в лирике И.А. Бунина составляют основу многих образов, что становится одной из специфических черт его поэтического языка.

Приоритет глаголов в целом не характерен для поэтической речи, его сфера – речь прозаическая (6, с. 33). В поэзии ведущую роль играют местоимения. В образной системе лирических произведений И.А. Бунина значительное место занимают признаковые имена существительные. Цель данной статьи – выяснить, как это влияет на поэтическую картину мира поэта.

Можно выделить три группы признаковых имен существительных – образованных от глаголов, прилагательных, а также собственно существительных.

I. Признаковые имена существительные, образованные от глаголов: «*На гумнах и в саду по-зимнему покой Царит в **затишье** дедовских строений*» (с.15); «*На гумнах и в саду по-зимнему покой Царит в **затишье** дедовских строений*» (с. 15); «*Там **шум** реки, базар под сводом, **Сон** переулков, тень садов*» (с. 82).

Особой активностью в лирике И.А. Бунина отличаются существительные *зыбь (зыби)* (слово *зыбь* происходит от общеславянского глагол *zubati* – «качать») и *блеск*: *Сиянье люстр и **зыбь** зеркал Слились в один мираж хрустальный* (с. 49); *Над чернотой твоих пучин Горели дивные светила, И тяжело **зыбь** твоя ходила, Взрывая огонь беззвучных мин* (с. 98); *Градом сек по стеклу – и опять были ярки и сини Средиземные **зыби**, глядевшие в дом, А за тонким*

блестящим стеклом То на мгле дождевой, то на водной синевшей пустыне, В золотой пустоте голубой высоты, Все качались, качались дышавшие морем цветы (с. 121); Гул бури за горой и грохот отдаленных Полуночных **зыбей**, бушующих в бреду. Звон, непрерывный звон кузнечиков бессонных И мутный лунный свет в оливковом саду (95); В лилово-синем море чернозема Затерян я. И далеко за мной, Где тусклый **блеск** лежит на кровле дома, Струится первый зной (с. 47); Чернеет зыбкий горизонт, Над белым **блеском** острых волн Змеится молний быстрый **блеск** И бьет прибой мой узкий челн (с. 84); И зоркая со- рока под крестом Качает длинным траурным хвостом, Вдоль по песку на **блеске** моря скачет – И что-то прячет, прячет... (с. 109). Частотность данных существительных создает определенную атмосферу - неопределенности, изменчивости, динамичности, окружающего мира.

II. Признаковые имена существительные, образованные от прилагательных: «Над **чернотой** твоих пучин Горели дивные светила, И тяжко зыбь твоя ходила, Взрывающая огонь беззвучных мин (с. 98); И адскими картинами блистала Вся задняя стена, - на страх душе земной, И **сушь**ю раскаленного металла Вихара полутемная дышала И вышел я на вольный свет и зной (с. 106); Полночный звон степной пустыни, Покой небес, тепло земли, И горький мед сухой полыни, И **бледность** звездная вдали (с. 111); Сидит она, спокойна и бледна, Взор устремив на тусклый сумрак зала, На одного из штатских игроков, И чувствует он **тьму** ее зрачков, Ее очей, недвижных и печальных, Под топот пар и гром мазурок бальных (с. 113).

III. Собственно существительные: И замер **аромат** садов. Узорный блеск под и ветвями Стал угасать среди цветов, Сплетаясь с длинными тенями (с. 43); Еще блещит оконное стекло, Но волчьей **мглой** поля заволокло, На севере огни полных звезд Горят из **мглы**, как из пушистых гнезд (с. 67); ... Она во все глаза глядит в стекло – там, в синей тьме морозной, **Кудрявится** деревье в серых **мгла** И мелкие блистают купола... (с. 114); Высока моя постель... Убаюкивает, тая Убегающая **трель**, Костяная и пустая (101).

Обладая повышенной признаковостью, существительные рассматриваемых групп обладают ярко выраженной способностью к созданию синкретичных образов, которые задействуют все виды ощущений читателя: Гранитный крест меж сосен, на песчаном Крутом кургане. Дальше – **золотой Горячий блеск**: там море, там, в стеклянном Просторе вод – мир дивный и пустой... (с. 109) (визуальное и тактильное (температурное) восприятие); И льется **трепет** серебристый На лица радостные их - Благословенный и пречистый! Взойди в приют рабынь твоих! (с. 145) (визуальное и тактильное восприятие); От зноя бледен небосклон, Ни облачка **в лазури жаркой**; Весь мир как будто заключен В песчаный круг в пустыне яркой (с. 29) (визуальное и тактильное (тем-

пературное) восприятие); ... Уж солнца низкий свет Не греет их. Уж ни листочка нет На этих сучьях буро-красноватых, Ствол резко-бел **в зеленой пустоте...** (с. 67) (визуальное и тактильное восприятие); **Мглистая свежесть кругом Смешана с золотом жарким Раннего солнца, с теплом, С морем цветистым и ярким** (с. 105) (визуальное и тактильное (температурное) восприятие); Сядь на эту **скользкую Золотую сушь** С песенкою польскою Про лесную глушь (с. 108) (визуальное и тактильное восприятие); В окно, **в прохладный сумрак** дома, Глядел **зеленый знойный сад**, И **сена душная истома Струила сладкий аромат** (с. 40) (визуальные, тактильные (температурные) и обонятельные ощущения).

Синкретизм человеческого восприятия – это естественное качество человеческой психики, однако в поэзии далеко не каждый образ создается с опорой на разные виды ощущений. Тем не менее подобное построение способно обогатить образ множеством красок, сделать картину максимально наглядной, практически физически ощущаемой. Опора на эмпирический опыт читателя не только обеспечивает достоверность изображения, но и сближает автора и читателя, актуализируя общий фонд знаний, создает прочную основу их диалога.

Прилагательные всех трех групп за счет окружения способны выражать усилительное и/или уточняющее значение, что способствует картинности изображения и значительно повышает экспрессивный потенциал текста: Чернеет зыбкий горизонт, Над белым **блеском** острых волн Змеится молний быстрый **блеск** И бьет прибой мой узкий челн (с. 84) (уточняющее значение: цвет и скорость); А девица нитку сучит, Сердце сонной **грезой** мучит Да глядит вперед (с. 92) (усиливается значение бездействия, отсутствия активности); В могильной темноте одна моя сигара Краснеет огоньком как дивный самоцвет: Погаснет и она, развеется и след Ее душистого и тонкого **угара** (с. 94) (уточняющее значение: запах и отсутствие резкости); В дачном кресле, ночь, на балконе... Океана колыбельный **шум**... Будь доверчив, кроток и спокоен, отдохни от дум (с. 143) (уточняющее значение: какого именно рода шум, хотя в данном случае можно говорить об оксюмороне – колыбельная обычно бывает тихой); И голубей пугливых стаи Сверкают снежной **белизной** (с. 17) (значение усиливается за счет соединения почти тавтологического сочетания и добавления семантики сверкания, блеска); В **лазури** неба, ясной и пустой (есть и элементы уточнения – чистота и отсутствие облаков, и усиления – насыщенности цвета), Та грань чернеет **синью** вороненой (усилительное значение – насыщенность черного цвета) Из-за косы песчано-золотой. И вот я слышу ропот отдаленный: Навстречу крепкой **свежести** воды (усилительное значение – очень холодная температура), Вдыхая ветер, вольный и соленый Вдруг зашумели белые ряды И, стоя, машут длинными крылами... (с. 93) (здесь имеет место индивидуально-авторский пе-

рифраз – ‘пенистые волны’); *Я с острова глядел на море и на тучи, Остановясь в пути, - и горный путь, вьясь В обрыве сизых скал, белел по дикой круче, Где шли и шли они, под ношею клонясь* (с. 94) (усилительное значение – очень резкий спуск); ... *Вот гаснет полоса Чуть греющих лучей, вот захвотала жаба В дымящейся воде... Колтунный край древлян Русь киевских князей, медведей, лосей, туров, Полесье бортников и черных смолокуров – И теплых сумерек краснеющий шафран* (с. 110) (уточняющее значение – оттенок цвета, соединение цветов); *Синяя зарница освещает Дождевые длинные иглы, Вороненую черноту ночи, Мокрые соломенные крыши* (с. 126) (усилительное значение – насыщенность темноты); *Но уж сияет яркий зной, Давно топор стучит в сарае, И голубей пугливых стаи Сверкают снежной белизной* (с. 17) (уточняюще-усилительное значение – указание на время и на достижение высокой температуры); *В лилово-синем море чернозема Затерян я. И далеко за мной, Где тусклый блеск лежит на кровле дома, Струится первый зной* (с. 47) (уточняющее значение – жарко в первый раз в данном сезоне); *Иду – и вспоминается мерцанье Мне звезд иных... глубокий мрак ресниц* (усилительное значение – глубина цвета и выразительность глаз) (с. 32); *Луна над шумною Курюю И над огнями за Курюю Тифлис под лунною чадрую, Но дышит знойною жарой* (усилительное значение – очень высокая температура) (с. 132).

Как видно по примерам, очень часто усилительное и уточняющее значения возникают у признаков существительных за счет «участия» в генитивных конструкциях. Это неслучайно. Данный тип конструкций крайне употребителен в языке поэзии и XIX-го, и XX-XXI-го веков, во-первых, поскольку по такой модели может выстраиваться практически любой троп (сравнение, метафора, метонимия, гипербола, ирония и т.д.), во-вторых, за счет многообразия семантики, которую они способны передавать (4). Как указывал А.П. Леонтьев, «язык предлагает богатый арсенал средств для выражения когнитивной сопряженности. Важнейшее место среди них занимают генитивные конструкции». Они имеют «континуальную природу» и могут актуализировать «три гиперотношения: «объект – объект», «ситуация – участник ситуации» и «объект – характеристика объекта» («ситуативное, объектное и характеризующее» (7). Другими словами, данные конструкции, с одной стороны, тесно связаны с процессами мышления и познания, с другой – обладают огромным экспрессивным потенциалом, который может многократно увеличиваться за счет распространения генитивных конструкций (прежде всего прилагательными). В последнем случае они приобретают способность выражать широкий спектр эмоций, а также варьировать и наращивать степень интенсивности признаков.

Использование генитивных конструкций при создании образов не является специфической чертой поэтического языка И.А. Бунина, однако в его произведениях

мы, несомненно, можем найти одни из лучших образцов данного приема.

Признаковые существительные в лирических текстах И.А. Бунина активно участвуют в создании индивидуально-авторских перифраз (описательных оборотов, не называющих объект речи, но по которому его легко можно узнать): У нубийских черных хижин *Мы в пути коней поили. Вечер теплый, тихий, темный Чуть светил шафраном в Ниле* – ‘желтая луна отражалась в Ниле’ (с. 78); *Проходит зелень бледная, на отмелях кусты, А ей навстречу – желтые сосновые плоты – ‘воды реки’* (с. 110); *Сырел песок, взошла луна над морем, И по волнам у берега ломался, Сверкал зеленый глянец...* – ‘воды моря’ (с. 75); *И скрылось солнце жаркое в лесах, И звездная пороша забелела, И понял он: достигнувший предела, Исчисленный, он взвешен на весах ‘множество сверкающих звезд’* (с. 108); *Морской простор – в доспехе золотом* – ‘в морской воде отражается солнечный свет’ (с. 109); *Градом сек по стеклу – и опять были ярки и сини Средиземные зыби, глядевшие в дом, А за тонким блестящим стеклом То на мгле дождевой, то на водной синевшей пустыне, В золотой пустоте голубой высоты, Все качались, качались дышавшие морем цветы* – ‘Средиземное бушующее море’ (с. 121).

Перифразы обладают значительным экспрессивным потенциалом, поскольку активизируют читательское восприятие, стимулируют мыслительную деятельность, развивают воображение. Кроме того, они являются принадлежностью именно поэтического языка, так как в основном имеют высокую, книжную стилистическую окраску, которая уместна только в данной разновидности речи. В результате образ, создаваемый при помощи перифразы, отличает приподнятость, подчеркнутая эстетичность.

В ряде случаев при употреблении признаков существительных в поэтических текстах И.А. Бунина имеют индивидуально-авторские слова место. Чаще это лексические окказионализмы, выступающие как зависимые к рассматриваемым существительным. Хотя они достаточно традиционны для поэтического языка, тем не менее также обладают способностью к усилению признаков и экспрессивности текста, например: *Ты, светлая ночь, полнолуная высь! ... ; Ты, звонкая ночь, серебролунная даль!* (с. 88); *Шорох жестококрылый – И дремотный жук Потянул унылый, но спокойный звук* (с. 107).

Более яркими, выразительными новообразованиями могут стать сами признаковые слова: *Над стремью скал летели вниз кусты; Но дерзость их безумца не страшила: Ему хотелось большей высоты – И бездна смерти бездну довершила* (с. 57). Подобные слова расширяют синонимические связи частей речи с предикативной семантикой. Данный окказионализм призван подчеркнуть

в образе одновременно и остроту очертаний, и ощущение движения, динамики изображения, и интенсивность картины в целом.

В качестве синтаксического окказионализма, по сути, выступает любое выражение в переносном значении, поскольку в этом случае всегда нарушается сочетаемость слова, например: *Что слушает моя собака? Вне жизни мы и вне времен. Звонящий сон степного мрамора Самим собой заворожен* (с. 111). Данный троп, также построенный на базе генитивной конструкции, распространенной прилагательными, представляет собой метонимию по модели «место – обстановка, состояние места». При этом наиболее заметное нарушение сочетаемости носит практически оксюморонный характер (звонящий сон). Имеется в виду дремотное состояние ночной степи, в которой тем не менее всегда происходит какая-то жизнь растений, насекомых, проявляющаяся в негромких, монотонных, повторяющихся звуках, поддерживающих состояние покоя, умиротворения и в целом не нарушающих тишины.

Итак, предпочтения при создании образов в лирических произведениях И.А. Бунина связаны с ак-

тивностью признаков имен существительных и обусловлены и языковым причинами, и спецификой поэтического текста вообще, и особенностями мировидения поэта. По нашему мнению, данная специфика состоит в определенной двойственности. С одной стороны, значительно повышается признаковость и процессуальность текста, что способствует активному подключению эмпирического опыта читателя. Создается очень ощутимая иллюзия, что он присутствует «внутри» лирической ситуации вместе с автором, что делает текст очень убедительным. С другой стороны, наоборот – поэт опредмечивает признак и действие, оживляет их. Всегда ощущается либо невидимый субъект действия, либо – что чаще – непосредственный (но также физически не присутствующий) наблюдатель, очевидец. Отсюда магичность бунинского стиха. Его мир наполнен неведомыми силами. Возможно, это связано с тем, что в поэтической картине мира И.А. Бунина значительное место занимает русская сказка – исследователи отмечают, что в его творчестве был период заметного увлечения ею (5, с. 309). Очевидно, что оно возникло неслучайно – поэту созвучна ее атмосфера первозданности, тесной связи с истоками истории народа и в то же время таинственности, волшебства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения: Аспекты семантических исследований / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1980. – 356 с.
2. Бунин И.А. Стихотворения и рассказы / И.А. Бунин. – М., Издательство «Правда», 1986. – 542 с.
3. Кузнецова Н.Н. О предикации. // Профессиональная подготовка и становление личности будущего специалиста в условиях обучения в гуманитарном ВУЗе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Н.Н. Кузнецова. – Анапа: 2008. – С. 118-122.
4. Кузнецова Н.Н. Распространение генитивной метафоры как способ создания усиления экспрессивности / Н.Н. Кузнецова // РЯШ. - № 10. – 2009. – С. 55-59.
5. Кузнецова Н.Н. Средства создания экспрессивности. Диссер. на соиск. уч. ст. д. фил. н. / Н.Н. Кузнецова. – Москва, 2009. - 594 с.
6. Кузнецова Н.Н. Язык поэзии / Н.Н. Кузнецова. – Оренбург. – ООО Издательство Оренбургская книга», 2021. – 162 с.
7. Леонтьев А.П., Леонтьева А.Л. Еще раз к вопросу о семантике генитивных отношений <https://docplayer.com/28923869-Eshche-raz-k-voprosu-o-semantike-genitivnyh-otnosheniy.html>
8. Фокина М.В. Общезыковые и индивидуально-авторские способы и средства выражения предиката (на материале текстов М. Цветаевой и Б. Пастернака), <https://www.dissercat.com/content/obshcheyazykovye-i-individualno-avtorskie-sposoby-i-sredstva-vyrazheniya-predikata-na-materi>
9. Черняк В.Д. Параллельные синонимические ряды и регулярная многозначность // Лексическая семантика / В.Д. Черняк. - Свердловск, 1991. – С.40-48.
10. Черняк В.Д. Проблема синонимии и лексикографическая классификация слов, <https://studfile.net/preview/3962920/page:73/>
11. Четверикова О.В. Средства вербальной манифестации эмоций в лирике И.А. Бунина, <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-verbalnoy-manifestatsii-emotsiy-v-lirike-i-a-bunina>

© Кузнецова Наталья Николаевна (natlo65@mail.ru), Межебовская Виктория Викторовна (vikvik62@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»